

Чашка чая

Рассказ

Тот день для Сергея Богданова не задался с самого начала. Рано утром его разбудил телефон. Звонила бывшая одноклассница, Алёнка. Говорила из Владивостока, и было плохо слышно, успел только понять, что его соседка по парте вышла замуж. И всё... Их разъединили. После этого сумбурного, неожиданного звонка мысли сбивались в кучу и снова разбегались в суматохе. «Зачем звонила? – думал Серега. – Я-то здесь причем? Ну, дружили, ну, нравились мне её ресницы. И сейчас, наверное, тоже.... Владивосток-то тут причём?...» В общем, что-то произошло, а что, он никак не мог себе уяснить. Это давило и мешало. Паршивое состояние усугублялось уже успевшим закрепиться чувством раздражения и недовольства собой, которое возникло сразу после тупого обзвона всех предприятий района об ожидаемом выполнении плана.

В десять утра весь аппарат районного комитета партии вызвали в зал для заседаний бюро райкома. Второй секретарь, без всяких вводных, словно обычную разнарядку для инструкторов, начал объявлять адреса для посещений.

– Каких ещё посещений? Мало писем что ли? У каждого штук по двадцать. И всё со сроками, и всё с выездом, – тихо прошептал заведующий промышленным отделом, но достаточно громко, чтобы его слышали свои. Он явно переживал за доклад на пленуме, который был поручен его отделу, и просто не мог себе представить, как это все его инструкторы и даже заместитель возьмут и уйдут куда-то на целый день.

И так они два раза в неделю приходили только к двенадцати. Каждый имел поручение контролировать ход строительства своих двух девятиэтажных домов, что возводили в новом микрорайоне. Осенью все целыми днями напролёт ходили в резиновых сапогах по колено в грязи, подогнув брюки и таща с собой на шнурках через плечо чистенькие ботинки. Следили, как «итээры» районных предприятий собирают морковку в подшефных совхозах. Весной – как скалывают лёд на мостовой, где вот-вот должен был проехать первый секретарь обкома.

«Второй» монотонным голосом продолжал формулировать задачу. Кому конкретно нужно будет идти и по какому адресу, чтобы донести информацию населению. Он скрупулезно вычёркивал из текста таблицы только что озвученное.

Оказалось, нужно посетить пятнадцать квартир и проинформировать жильцов о гибели родственников. Самолёт, видите ли, ночью разбился под Ленинградом. В самом деле, не по телевизору же об этом говорить. Тогда это событие. А так... ребята сбегают, «потрясут мордой», глядишь, погасят...

Так всегда. Если что-то не поддающееся систематизации, что-то внезапное, не запланированное или с неба свалившееся, – значит, райком крайний. А как же? Значит, не всё учли! Аппарат, ноги в руки и вперёд.

По первому адресу, выданному Богданову для посещения, никого не было. Быстренько, семеня маленькими шажками и боясь спугнуть пруху, он направился к другому. Позвонил. Открыл низенький мужчина средних лет. Часов двенадцать, а тот явно навеселе. В комнате слышны голоса. Пять человек сидели за столом и пили. Какое-то торжество: на столе бутылок больше, чем посуды.

Сергей отозвал мужчину, открывшего дверь, в кухню. Там ещё две женщины вертели у плиты. Из комнаты слышались голоса: «Куда ушёл? Иди сюда. Кто там приехал? Молодой папаша, наверное. Наконец-то». Но мужик видел, что это совсем не «папаша».

– Чего тебе, парень? Кого надо?

– Да я из райкома...
– И что? С нами с утра выпить пришёл?
– Да подождите вы. Меня к вам послали...
– Так выборы уже были...Ты чего!
– Пётр Васильевич Ложкин тут живет? То есть я хочу сказать, он погиб сегодня... Вот.

Мужик резко замолчал. В его голове начали постепенно совмещаться два необычных события в один день: торжество и приход вот этого...

– Что значит?... Ты чего? Где Петька?
– Самолёт разбился сегодня рано утром на подлёте к Ленинграду, – и, как бы подтверждая это, Богданов открыл своё удостоверение инструктора райкома партии и сунул его мужику в лицо. – Я же говорю, я из райкома.

Сергей вдруг подумал: «Получается, будто если райком, то должны поверить в смерть близкого человека, а если, к примеру, исполком совета народных депутатов – то ни в жисть! Пожалуй, тут сработает любое удостоверение. Так приучены. Хотя, ведь случись что – так сразу звонят в райком дежурному».

– Постой! Ты чего? Да кто ты такой, что бы нам говорить такое? – не унимался родственник. – Катя! Лена! Идите сюда. Да скорее же. От кухонной плиты подошли две молодых женщины. Богданову пришлось снова всё повторить. Только теперь на него, не мигая, смотрели три пары вытаращенных глаз.

– Вот номер телефона. Вы можете туда позвонить. Вам всё скажут, – пробубнил Сергей, – мне нужно идти, извините.

Инструктору показалось, что в глазах слушающих его людей испарилось прежнее веселье, затем слетела и дымка недоумения. Вместо них появился страх, неверие и агрессия. Мужик, открывший ему дверь, обошёл Сергея и закрыл собой входную дверь.

– Нет, ты постой. Я не понял... И что дальше? Ты давай, говори: что, почему, куда идти?... Вон им говори, – мужик показал на сидящих за столом. Там, наверное, были родители и молодая жена. – А то суёт мне ксиву свою... Ишь, в галстук! Пришёл, насрал и бежать!.. – Мужик стал живо-

том заталкивать Богданова в комнату, потом выхватил у него из руки удостоверение и бросил на кровать. – Нет, ты глянь, Клава, чего вытворяют! Посмотри, посмотри! – кричал мужик и всё время кивал головой на валявшиеся на подушке райкомовские «корочки». – Ходят тут по домам и жизнь поганят.

– Да помолчи ты, – тихо и с угрозой в голосе произнёс пожилой мужчина, видимо, отец того, что разбился. – Клава, угомони этого. – Он поднялся из-за стола, подошёл к кровати, взял удостоверение и, не рассматривая его, направился в сторону Богданова. Потом остановился напротив и долго смотрел на Сергея, в упор, не мигая. Только глаза у старика становились всё уже и уже, а нижняя губа, подрагивая, медленно наезжала на верхнюю. Изредка он резко поворачивал голову в ту сторону, где пожилая женщина, должно быть, его жена, бесполезно суетилась, пытаясь встать из-за стола, и уронила на пол пару бутылок. Рядом с ней стояла Клава. Она ревела и орала одновременно.

– Дядя Вася! Дядя Вася! Не слушай этого... Не слушай! Вот сволочи! – она снова заревела и начала размахивать кулаками, будто сражается с нечистой силой. – Тётя Клава... Ты-то хоть не слушай. Вот поганцы... Вот говнодавы. – Она даже не смотрела в сторону Богданова, хотя и продолжала махать руками.

Левой рукой старик держал лацкан своего пиджака с разноцветными колодками орденов и медалей, а правая, опущенная вниз, держала райкомовскую ксиву.

«Сейчас ударит. Прямо удостоверением врежет. Да уж лучше пусть бьёт, чем смотреть как на...», – Богданов не успел придумать, на кого он сейчас похож, и инстинктивно сжался.

– Иди парень, – резко произнёс старик. Он махнул рукой в сторону дверей. – Ты, наверное, даже не понимаешь, что ты сейчас наделал. Так вот просто пришёл, и... – Старик затряс головой и ещё сильнее замахал рукой. – Иди, иди отсюда. Не знаю, кто ты такой и не хочу знать. Но то, что ты делаешь сейчас... Я даже не пойму, как это называется. Так не делают... Это не по-людски!

Сергей повернулся к дверям. Что-то говорить было бессмысленно. «А, чёрт!», – вспомнил он про своё удостоверение. В это время парень, открывший ему двери, вдруг оказался совсем рядом и ногами вытолкал Богданова из квартиры.

– Вали отсюда, говнюк в галстуке. И без тебя, охلامона, всё узнаем. Правда, батя? По ящику скажут. Как положено. Может, всё и не так вовсе. Ишь, засранцы всякие ходят... Верьте им, люди!

Сергей сбежал по лестнице с четвёртого этажа за несколько секунд, а потом долго стоял внизу. Его колотило. Это походило на занятие палача. В первые мгновения на тебя смотрят именно так. Ну, как же? Был человек, а ты приходишь и объявляешь, что его нет. Вроде как ты и виновен в этом. Как почтальон во время войны, когда он приносил похоронку. У того хоть похоронка имелась, а тут... одни слова. Тогда у всех было одно большое горе, и многие видели, как другому приносят страшную весть. «Но почему райком? – не унимался Богданов. – Почему не депутаты, например. Их все-таки выбирали и вообще-то должны знать... Понятно, если бы из Афгана. Тут уж военкомовские ходят. Они брали – они и возвращают. А здесь... Получается, вроде как, если партийные работники ходят по домам и разносят, то значит партия и виновата... Удостоверение-то как? Надо вернуться... Затаскают, ведь!»

На четвёртом этаже открылась форточка, и через мгновение на снег прямо перед Сергеем упали его «корочки».

В последнем адресе была пожилая женщина, мать того, кто погиб. Как только Богданов появился в дверях, комкая в руках свою ушанку, и ещё не успел ничего сказать и показать, женщина застыла на месте и через несколько мгновений тихо заплакала.

– Я знала, я чувствовала, всю ночь не спала. Ведь что-то случилось? Да? Что-то с Игорьком? Где он? Что-нибудь с самолётом?

Сергей молчал, опустив голову, и думал: «Вот уж глупо говорить, что ты из райкома». Просто неожиданность его прихода совпала с тем, что матери погибшего привиделось

ещё ночью. Ей не нужно было большего. Женщина стояла в дверях и громко плакала. Открылась соседняя дверь, и какой-то мужчина средних лет с длинными рыжими волосами осторожно высунул свою голову, осмотрел вокруг, остановил глаза на плачущей женщине, потом на Богданове и тихо закрыл дверь.

«Сейчас милицию вызовет, – подумал Сергей, а у него никакого документа нет о катастрофе. – Скажут, ходит, пугает людей...» Милиция вообще любила задерживать всяких с удостоверениями. Особенно, когда ими начинали размахивать.

Женщина вдруг быстро повернулась и вошла в комнату, взяла чёрный вязаный платок и повесила зеркало, что висело на стене в прихожей. Прошлась, посмотрела вокруг безразличным взглядом: на самодельный приёмник на подоконнике, фотографию сына с невесткой на комод... Вернулась и сняла платок с зеркала. Потом опустилась на стул и, ничего не говоря, взяла со стола ещё горячий чайник, наполнила кипятком две чашки, подвинула ближе к центру стола стеклянную корзиночку с тремя соевыми конфетами «Батончик в шоколаде» и тихо произнесла: «Посидите со мной».

Сергей снял шапку, присел на краешек стула и принялся, обжигаясь, пить кипяток. Он не осмеливался поднять глаза и даже подумать о том, что это не чай. Так, молча, и сидели, наверное, минут десять. Милиция не появилась.

– А вы точно знаете, что с Игорьком? Вы сами видели? Может, и ничего пока? – быстрым, срывающимся голосом заговорила женщина. Ответов она не ждала, только всхлипывала и время от времени подносила к влажным глазам белый платок.

Женщина рассказала, как ещё в конце тридцатых забрали её мужа, простого инженера, как она одна выжила в блокаду, как потом, уже в пятидесятых взяла на воспитание мальчика из детдома...

– Ведь никто больше ничего не скажет, правда?

Сергей закрыл глаза и покачал головой.

После таких походов Богданову совсем не хотелось думать ни о каком-то развитии предприятий, совершенство-

вании форм и методов партийной работы или о выполнении решений очередного пленума ЦК. К вечеру все, кого посылали, вернулись в райком. Об их эмоциях или тех, кому их посылали, никто не интересовался. Докладов о выполнении поручения тоже не требовалось. Все были заняты Делом. Слышали только, что инструкторшу орготдела прямо из адреса забрали в Свердловку с сердцем. Родственники погибшего – ничего, а она вот так. Ещё одного инструктора из их отдела чуть не забрали в милицию. Но он сам справился.

Рабочий день продолжался.

Уже больше получаса в коридоре райкома сидела пожилая женщина с гладко зачёсанными седыми волосами, в тонких очках и с маленьким потёртым портфельчиком на коленях – профессор, доктор наук, член партии. Она ждала ответственного за её выступление на пленуме. Богданов – кандидат географических наук – ему и «карты» в руки, он отвечал за выступления учёных и вообще всякой интеллигенции.

Впопыхах открывая дверь, здороваясь и извиняясь за опоздание, Сергей предложил женщине войти в кабинет и присесть. Он взял текст её выступления. В общем-то, для неё это было дело привычное. Всегда лучше, если посмотрит кто-нибудь из райкомовских, а то потом хлопот не оберёшься.

– Я тут вначале сказала про Брежнева, назвала все его должности... – начала было профессор.

– Да, да, конечно, спасибо, – промямлил Богданов, понимая всю убогость этого «спасибо». Но увидев, что Брежнев упоминается только один раз, он напрягся. Требовалось два. В начале и в конце выступления. Правда, называть все регалии можно только один раз. И всё-таки...

Сергей знал, как наиболее искусные мастера в горьком умудрялись в пятиминутном выступлении своих подопечных ввернуть слова про Брежнева аж три раза. Причем так, что этого почти никто не замечал. Настолько хорош был текст. Не просто «Как сказал Генеральный секретарь, Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР Лео-

нид Ильич Брежнев» и далее по тексту то, что он сказал, а изошрённо, с изяществом. Сначала то, что требуется озвучить по существу, а уж после: «Так учит партия и к этому нас призывает её генеральный секретарь...» Получалось ненавязчиво. Вроде бы это и не его слова. Остальное чаще всего никому не интересно.

«Однако это прокол, — подумал Сергей, вспомнив про Брежнева, — потом не отмажешься».

Инструктор сидел за своим столом и смотрел на известного учёного. Она что-то говорила про науку, про свой институт, про выступление... Он её практически не слышал. Его сознание было переполнено сегодняшним походом по квартирам и всякой белибердой про аппаратные идеологические ухищрения. Да ещё Алёнка... Зачем она звонила-то? Все резервы психики для накопления отрицательных эмоций были истрачены. Ещё немного, и он не будет успевать гасить их проявления выдержкой.

Рассказывать пожилой женщине правила поведения на пленуме, все эти уловки и ужимки «орговиков» и «идеологов» — просто абсурдно, да и стыдно. Тем более, что она так похожа на ту, с которой он совсем недавно, молча, сидел и пил «чай».